

MATERIALI –TESTO A

Сообщение специального корреспондента «Известий» «Эррио* в Харькове». 29 августа 1933 г. // Известия. 1933. 29 августа. Голод в СССР. 1929-1934. В 3 т. Т. 3. Лето 1933-1934. — М.: МФД, 2013. (531)

Харьков, 28 августа. (По телефону.) Сегодня, в 11 час. утра, к парадным комнатам харьковского вокзала подошли специальные вагоны, в которых Эдуард Эррио и французский посол Альфан со своими спутниками следует по территории УССР. [...] После приезда французские гости осматривали детскую трудовую коммуну им. Дзержинского. Французские общественные деятели подробно ознакомились с административной структурой коммуны, с производством, бытом коммунаров — быв. беспризорных и малолетних правонарушителей. Гости были поражены чистотой и порядком, отличающими коммуны, обилием цветов и свежего воздуха. Эррио подробно беседовал с помощником начальника коммуны по учебной части т. Макаренко и интересовался, каким образом руководству коммуны удается воспитывать одновременно в одних стенах и беспризорных, и подростков, имеющих профессионально-уголовные навыки. Тов. Макаренко подробно разъяснил французским гостям, что советская педагогика не признает врожденной преступности и что основными методами воздействия на ребят являются дисциплина коллектива и коллективный труд. После осмотра общежития и фабрики духовой оркестр коммуны исполнил импровизированный концерт, который вызвал у гостей глубочайшее внимание и восторженные отклики.

Сообщение специального корреспондента «Известий» «Французские гости поражены успехами строительства в советской Украине» 29 августа 1933 г.

Харьков, 28 августа. (По телефону.) За свое пребывание на территории Украины Эррио и его спутники, знакомясь с современной Украинской Социалистической Советской Республикой, проявляют не только профессиональное любопытство, но, больше того, стараются, поскольку это позволяет им время, серьезнейшим образом вникать во все интересующие их вопросы. Особенный интерес проявляют французские гости к вопросам послереволюционного развития украинской национальной культуры, литературы и искусства. Так, Эррио, осматривая в Киеве музей Всеукраинской академии наук, а также Киево-Печерскую лавру, проявил не только глубокие знания русской и украинской истории, но и совершенно неожиданные познания в области минералогии и геологии Украины. В частных беседах с французскими гостями обращают на себя внимание восторженные отзывы о состоянии коммунального хозяйства осмотренных ими украинских городов. Не только гигантское жилищное и промышленное строительство Украинской республики, но и внешний вид улиц Одессы и Киева вызывают у гостей самые горячие похвалы. Один из гостей, например, делаясь своими впечатлениями об Одессе, заявил, что он желал бы искренне многим провинциальным городам Франции иметь столь же опрятный вид.

Касаясь первого ознакомления с колхозным строительством в СССР, гости отмечают огромное впечатление, произведенное на них богатейшим урожаем. Колхоз «Красный луч», например, уже сейчас произвел на них впечатление вполне зажиточного крестьянского коллектива, что особенно поразило гостей, поскольку богатый урожай этого года, как им известно, колхозниками еще не реализован.

Вспоминая все то, что во Франции говорилось и писалось об упадке советских городов, о нищете советского крестьянства, гости отмечают, что уже первое впечатление от посещения ими Правобережья Украины показывает, что французское общественное мнение бывает введено в заблуждение относительно истинного положения вещей в Советском Союзе и, в частности, на Украине.

А. Гарри

Vasilij Grossman – Anni Trenta e Holodomor

1. Rapporto dell'inviato speciale di "Izvestija" – Herriot a Kharkiv

Kharkiv, 28 agosto. (Per telefono) Oggi, alle 11, le carrozze speciali con cui Édouard Herriot e l'ambasciatore francese Alphand e i suoi accompagnatori stanno attraversando il territorio della Repubblica Socialista Ucraina si sono avvicinate alle sale d'ingresso della stazione ferroviaria di Kharkiv. [...]

Dopo il loro arrivo, gli ospiti francesi hanno visitato la comunità di lavoro per bambini Dzeržinskij. Le personalità francesi hanno avuto modo di conoscere nei dettagli la struttura amministrativa della comunità, la produzione, la vita dei ragazzi della comunità - ex ragazzi di strada e delinquenti minorenni. Gli ospiti sono rimasti colpiti dalla pulizia e dall'ordine che contraddistinguono la comunità, dall'abbondanza di fiori e dall'aria fresca. Herriot ha avuto una conversazione dettagliata con l'assistente del capo del comune sulla parte educativa, il compagno Makarenko, e ha chiesto come la direzione della comunità sia riuscita a educare sia i bambini di strada che gli adolescenti con attitudini criminali. Il compagno Makarenko ha spiegato dettagliatamente agli ospiti francesi che la pedagogia sovietica non riconosce la criminalità innata e che i metodi principali per influenzare i bambini sono la disciplina collettiva e il lavoro collettivo. Dopo la visita al dormitorio e alla fabbrica, l'orchestra di fiati della comunità ha improvvisato un concerto, che ha richiamato l'attenzione degli ospiti e suscitato reazioni entusiaste.

2. Rapporto dell'inviato speciale di "Izvestija" "Gli ospiti francesi sono stupiti dei progressi nell'Ucraina sovietica"

Kharkiv, 28 agosto. (Per telefono) Durante il loro soggiorno in territorio ucraino Herriot e i suoi accompagnatori, facendo conoscenza con la moderna Repubblica socialista sovietica ucraina, non esprimono solo curiosità professionale, ma cercano di approfondire seriamente tutte le questioni che li interessano. Gli ospiti francesi sono particolarmente interessati allo sviluppo post-rivoluzionario della cultura, della letteratura e dell'arte nazionale ucraina. Così, Herriot, visitando il museo dell'Accademia delle Scienze di Kiev e il Monastero delle Grotte di Kiev, ha dimostrato non solo una profonda conoscenza della storia russa e ucraina, ma anche una conoscenza del tutto inaspettata della mineralogia e della geologia dell'Ucraina. Nelle conversazioni private con gli ospiti francesi, spiccano le valutazioni entusiastiche sullo stato della pubblica amministrazione delle città ucraine che hanno visitato. Non solo le gigantesche strutture abitative e industriali della Repubblica ucraina, ma anche l'aspetto delle strade di Odessa e Kiev suscitano le lodi più appassionante da parte degli ospiti. Uno degli ospiti, ad esempio, condividendo le sue impressioni su Odessa, ha dichiarato che avrebbe voluto sinceramente che molte città di provincia in Francia avessero lo stesso aspetto ordinato.

Riferendosi alla loro prima conoscenza della creazione di fattorie collettive in URSS, gli ospiti hanno sottolineato come il ricco raccolto abbia fatto loro una grande impressione. La fattoria collettiva "Krasnyj luč", ad esempio, li ha già convinti di essere un collettivo di contadini abbastanza prospero, cosa impressionante, dato che il ricco raccolto di quest'anno, come loro sanno, non è stato ancora realizzato dai contadini stessi.

Ricordando tutto ciò che è stato detto e scritto in Francia sul declino delle città sovietiche e sulla povertà dei contadini sovietici, gli ospiti fanno notare che la prima impressione della loro visita alla riva destra Ucraina dimostra che l'opinione pubblica francese può essere fuorviata sulla reale situazione dell'Unione Sovietica e, in particolare, dell'Ucraina.

* Édouard Herriot, politico francese, all'epoca della visita era primo ministro.

MATERIALI – TESTO B

Политическая сводка № 17 по ненапечатанным заметкам, полученным редакцией «Известий». 11-16 июля 1932 г. Не ранее 16 июля 1932 г. // РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 209. Л. 98-88. Копия. Опубликовано в извлечениях: Трагедия советской деревни. Т. 3. Конец 1930—1933. С. 407—414.

М 1. Перестройка сельского хозяйства проходит как будто бы добровольно, по желанию самих крестьян, а в сущности это не так. Коллективизация проходит под нажимом и издевательством. На единоличников накладывают непосильный налог, в конце концов, выбившись из сил, ободранный мужик решается идти в колхоз и, конечно, не добровольно. Когда же мы переживем это мытарство и произвол, от которого стонут миллионы крестьян. Неужели мы все кулаки и свистуны, что ежегодно, как преступников, осуждают на мытарство и жалкое, ничтожное хозяйство уничтожается за то, что не вступаешь в колхоз. Нам навязывают планы, инструкции для поднятия урожайности, но это все, кроме вреда, нам ничего не дает, и придем к голодному социализму.

В газетах пишут, будто все хорошо, живут не нарадуются, все довольны, добровольно выполняют все задания и платят налоги. Кооперативный пай с каждым годом увеличивают все больше и больше, но кооператив, как убогая лачуга, всегда пустует, только крысы по полкам бегают и пьяный выдвигенец-приказчик сидит на пустой вырубке.

№ 6К Москва. Товарищи, в настоящий момент вполне реальным для всего населения СССР стал факт настоящего катастрофического голода по всей Украине и средней полосе Поволжья и относительного голода по всей стране, за исключением искусственно поддерживаемого относительно сытого положения в Москве, где тоже положение с каждым днем продолжает ухудшаться. Массы беженцев из голодающих районов заполняют вокзалы железных дорог, массы идут, передвигаясь пешком до тех станций, где еще нет распоряжений их не допускать в поезда. Группы их на каждом шагу можно встретить на улицах Москвы. Попутно с указанным явлением масса мешочников едет в нашу полуголодную область что-нибудь перекупить для своей голодной местности. Властям, вероятно, известно, что картофель из Московской обл. везут в Саратовскую губ., то же самое еще в большей степени повторяется и с мукой. Беженцы бегут и несут с собой вести о царящем голоде на местах, от которых волосы становятся дыбом. Они скажут вам, что урожай в прошлом году у них был хороший, но что его весь «отобрали» большевики. Они расскажут вам, что голод в Каменец-Подольском районе" и других местах довел до такого состояния, что они предпочитают умереть от угара, который они делают в своих избах и от которого умирают целыми семьями.

Довести людей до такого состояния, когда смерть делается желательной избавительницей от мучений сверх человеческих сил, может или тупость, или бесчеловечность власти местных сатрапов, которые обобрали, ограбили народ и довели его до массовых самоубийств во имя дутых планов, составленных усердными плановиками, желавшими подслужиться под власть, не считаясь с последствиями, на основании цифр, взятых с потолка. Центральное правительство об этом, безусловно, знает, но почему оно до сих пор ничего к смягчению положения не предпринимает и, мало того, упорно скрывает? [...]

Sintesi politica n. 17 sulle annotazioni non pubblicate ricevute dal comitato di redazione di Izvestija 11-16 luglio 1932

1. La riorganizzazione dell'agricoltura avviene come se fosse una scelta volontaria, voluta dai contadini stessi, ma in realtà non è così. La collettivizzazione avviene con pressioni e abusi. Impongono una tassa insopportabile ai singoli proprietari e alla fine, stremato, il contadino decide di unirsi al kolchoz e, chiaramente, non di sua volontà. Quando supereremo questa tortura e questo arbitrio, per cui milioni di contadini soffrono? Saremo tutti kulaki e delatori, che ogni anno, come criminali, siamo condannati alla tortura e la nostra misera e insignificante azienda agricola viene distrutta per non aver aderito a quella collettiva? Ci vengono imposti piani e istruzioni per aumentare il rendimento, ma tutto questo non fa altro che danneggiarci e arriveremo al socialismo della fame. Ogni anno la quota cooperativa viene aumentata sempre di più, ma la cooperativa, come una misera catapecchia, si svuota costantemente, solo i topi scorrazzano tra gli scaffali e un venditore ubriaco siede sugli incassi vuoti.
2. Mosca. Compagni, in questo momento è diventato del tutto evidente per l'intera popolazione dell'URSS che in tutta l'Ucraina e nella fascia centrale della regione del Volga è in corso una vera e propria carestia di proporzioni catastrofiche e una situazione di fame relativa in tutto il Paese, fatta eccezione per la situazione a Mosca che viene artificialmente mantenuta relativamente sazia, ma dove la situazione continua a peggiorare di giorno in giorno. Masse di profughi dai quartieri affamati riempiono le stazioni ferroviarie, masse che camminano a piedi verso le stazioni dove non vige ancora l'ordine di tenerli lontani dai treni. A gruppi si possono incontrare ovunque per le strade di Mosca. Oltre a questo fenomeno, una massa di "corrieri" (mešočniki) si reca nella nostra regione semi-affamata per comprare qualcosa per la propria zona affamata. Le autorità sono probabilmente a conoscenza del fatto che le patate della regione di Mosca vengono portate nella provincia di Saratov, e lo stesso si ripete con la farina. I profughi fuggono e portano con sé notizie sulla carestia imperante sul territorio che fanno rizzare i capelli in testa. Raccontano che l'anno scorso hanno avuto un buon raccolto, ma che è stato tutto "portato via" dai bolscevichi. Vi diranno che la carestia nel distretto di Kamenec-Podol'sk e in altri luoghi li ha portati a uno stato tale che preferiscono morire per le esalazioni che provocano nelle loro baracche e per le quali muoiono intere famiglie. A portare la gente a una tale condizione, in cui la morte diventa un'auspicabile liberazione da supplizi che vanno oltre le forze umane, può essere o la stupidità o la disumanità del potere dei satrapi locali, che hanno derubato e depredato il popolo e lo hanno portato a suicidi di massa in nome di piani insensati elaborati da solerti pianificatori che volevano servire il governo senza considerare le conseguenze, basandosi su cifre prese dal soffitto. Il governo centrale ne è certamente consapevole, ma perché continua a non fare nulla per alleviare la situazione e, per di più, si ostina a nasconderla?[...].

Vasilij Grossman – Anni Trenta e Holodomor

IMMAGINE B

Hončarenko, membro del Komsomol e kolchoziano del villaggio di Ol'sana nella regione di Charkiv protegge le sementi e i fondi assicurativi, 1933.

Foto della famiglia di Nikolaj F. Bokan, fotografo di Baturyn (1933)

OBIETTIVI

Individuate le parole chiave del testo, motivandone la scelta.

Osservate l'immagine e determinate in che modo si relaziona al contenuto del testo e come ne integra il contenuto (se ritenete che sia così).

Ricostruite in una o due frasi (una sorta di definizione di lavoro) la narrazione dell'evento storico a cui si riferiscono i documenti presentati.

Grossman nella seconda metà degli anni Trenta – Racconti

Dalla raccolta: *Добро вам! Рассказы* (Dobro vam! Rasskazy), Moskva : Sovetskij pisatel', 1967

***Molodaja i staraja* (estratto)**

На даче жила мать Степаниды Егоровны, Марья Ивановна, две племянницы — дочери покойной сестры, Вера и Наташка. Дача была роскошная, восьмикомнатная, и в ней, кроме семьи Степаниды Егоровны, жило еще одно семейство ответственного работника. До 1937 года дачу занимал бездетный человек, некий Ежегульский, с женой и стариком отцом. Ежегульский был арестован как враг народа: уже второй год семья Горячевой жила здесь, а о Ежегульском и воспоминания не осталось, разве только то, что перед окнами росли посаженные его отцом желтые лилии. [...]

Машина подъехала к даче, и, пока Степанида Егоровна улавливалась с шофером, ей навстречу выбежали Вера и Наташка, а следом за ними шла бабушка Марья Ивановна. Шофер поставил машину на зеленую, тенистую полянку подле ворот, словно автомобилю было приятней и веселей стоять на свежей траве под лиственной тенью. Шофер медленно обошел машину, ударил сапогом по упругой крышке, не для проверки, а для того, чтобы доставить себе удовольствие, протер рукавом стекло, покачал головой и, отойдя к забору, лег на траву. От машины пахло бензином и горячим маслом, шофер с удовольствием вдыхал этот запах и думал: «Нагрелась, вспотела...»

Он начал дремать, когда мимо него прошла старуха Марья Ивановна с ведром.

— Вода у нас плохая, тухлая, мы для варева ее не берем, — скачала Марья Ивановна, останавливаясь возле шофера. Он ни о чем не спрашивал ее, но она стала рассказывать, что вода бы и у них была хорошая. Но из-за злой соседской собаки никто к колодцу не ходит, и вода тухнет. «Болеет колодец, как корова недоеная», — сказала она.

— Что ж, мамаша, вы сами по воду ходите? — с укоризной и насмешкой сказал он. Он посмотрел на ее худое, коричневое лицо, на серые от седины волосы и проговорил: — Ответственные работники, а старуху за водой гоняют, вам уж лет шестьдесят, наверное...

Старуха не помнила, сколько ей лет. Когда ей хотелось, чтобы соседки удивлялись, как она легко носит воду, стирает, моет полы, она говорила, что ей — семьдесят один, а в поликлинике записала, что ей — пятьдесят девять лет, и дочери говорила, что пятьдесят девять, чтобы та пожалела, когда мать умрет: а то ведь скажет — пожила, куда ж больше. Она вздохнула и сказала шоферу:

— Восьмой десяток, милый, восьмой десяточек.

— Сама дочка бы наносила или девчонок послать, а то такого древнего человека за водой гоняют! — сказал шофер.

— Где ей, что ты, — сказала Марья Ивановна, — это она сегодня перед отъездом рано так, а то ночью приезжает. Совсем Степа замучилась. Теперь-то ничего, спокойная стала, а зимой, когда из деревни приехала, придет на автомобиле и плачет. «Что такое это с тобой, миленькая моя, или обидел кто?» — «Нет, — говорит, — очень трудно мне с непривычки». Где ж ей воду носить? А девчонки — это правда, такие суки: и набрешут, и гадкое слово скажут. Старшая — та еще ничего, все лежит, книжки читает, а Наташка очень вредная. Утром говорит: «Бабушка, это ты конфеты сожрала, что тетя мне оставила, я тебе сейчас в зубы дам». Вот какая.

Vasilij Grossman – Anni Trenta e Holodomor

— Это в народный суд, подсудное дело, за оскорбление старости, — сказал шофер. — А что они, не дочери ей? — спросил шофер.

— Сестры ее родной, старшей моей дочки родной, Шуры, — а ей племянницы. В тридцать первом померла Шура, опухла и померла, в голод, — говорила Марья Ивановна, — и старик мой, такой был трудящий, тоже в тот же год помер; к сердцу опух подходил, а он все по хозяйству беспокоился, плетень мне не давал разбирать на дрова, я лепешки из дурмана пекла. Вот младшая нас взяла, она при совхозе восемьсот грамм получала в день, так четверо и жили, девчонка совсем малюсенькая была. А сейчас видишь!

— Хорошо всем стало? — спросил шофер, показывая на высокие окна дачи.

— А конечно, хорошо, — сказала старуха, — только мне жалко, не могу забыть. Шура, дочка моя старшая, с ума тронулась, все голосила: «Маменька, огонь кругом, маменька, хлеб горит, маменька!» — не могу я забыть. Старик мой ласковый был. Батюшки, — спохватилась она, — вот заговорила, а чаем кто ж ее напоит? Ей же на поезд сегодня. И еще на квартиру в городе заезжать.

— Успеем, на машине ведь, — сказал шофер.

Nella dacia vivevano la madre di Stepanida Egorovna, Mar'ja Ivanovna, e le due nipoti, Vera e Nataska, figlie della sua defunta sorella. Si trattava di una dacia lussuosa, con otto stanze, e la famiglia di Stepanida Egorovna la divideva con quella di un altro funzionario. Fino al 1937 ci aveva abitato, insieme con la moglie e il vecchio padre, un certo Ezegul'skij. Figli non ne avevano. Ezegul'skij era stato arrestato come nemico del popolo. La famiglia della Gorjacèva viveva là da più di un anno, e dei precedenti abitanti non era rimasto alcun ricordo, se non i gigli gialli che crescevano davanti alle finestre; li aveva piantati il padre di Ezegul'skij. [...]

La macchina arrivò alla dacia e mentre Stepanida Egorovna prendeva accordi con l'autista Vera e Nataska le corsero incontro, seguite a distanza dalla nonna Mar'ja Ivanovna. L'autista posteggiò l'automobile nella radura ombrosa vicino al cancello, come se il veicolo gradisse sostare sull'erba fresca, al riparo delle fronde. L'uomo girò intorno alla macchina con passo lento, diede un colpetto con lo stivale a un copertone, non per saggiarne l'elasticità, ma per propria soddisfazione, pulì un finestrino con la manica, scosse il capo e si allontanò in direzione dello steccato, finendo per coricarsi sull'erba. La vettura odorava di benzina e d'olio surriscaldato, l'autista aspirava compiaciuto quell'aroma e pensava: «E accaldata, suda...».

Stava quasi per assopirsi quando gli passò davanti la vecchia Mar'ja Ivanovna con un secchio.

«La nostra acqua è cattiva, putrida, per cucinare non l'adoperiamo» disse Mar'ja Ivanovna, fermandosi accanto all'autista. L'uomo non le aveva chiesto niente, ma lei cominciò a raccontare che, a dire la verità, l'acqua sarebbe stata buona. Ma, per colpa del cane dei vicini, che mordeva, nessuno poteva avvicinarsi al pozzo, così l'acqua imputridiva. «Il pozzo si è ammalato, come una mucca se le dai poco da mangiare» concluse Mar'ja Ivanovna.

«Ma come, nonnina, ci deve andare proprio lei a prendere l'acqua?» replicò l'autista in un tono tra lo scandalizzato e il beffardo. E, guardando il viso scavato di Mar'ja Ivanovna, bruno per il sole, i suoi capelli grigi, continuò: «Qui ci sono valenti servitori della patria, e a prendere l'acqua mandano una vecchietta, la sessantina l'avrà già passata... O sbaglio?...».

La vecchia non ricordava quanti fossero i suoi anni. Quando voleva che i vicini si meravigliassero della facilità con cui trasportava il secchio pieno d'acqua, o lavava i panni e i pavimenti, diceva di avere settantun anni, ma al poliambulatorio aveva dichiarato per iscritto di averne cinquantanove, e anche alla figlia diceva di averne

Vasilij Grossman – Anni Trenta e Holodomor

cinquantanove, così lei l'avrebbe compatita di più quando fosse morta: era così giovane - avrebbe detto - meritava di vivere ancora tanto.

Mar'ja Ivanovna sospirò e disse all'autista: «Ho passato la settantina, mio caro, la settantina».

«L'acqua potrebbe portarla benissimo sua figlia, ci sono anche le ragazzine, e invece tocca farlo a una persona così anziana!» replicò l'autista.

«Mia figlia? Ma cosa dici?» lo rimproverò Mar'ja Ivanovna. «Oggi è rientrata presto perché deve partire, sennò arriva che è già notte. Ha faticato tanto la mia Stepa. Adesso va un po' meglio, è più tranquilla, ma quest'inverno, quando è arrivata dal villaggio, tornava a casa con l'automobile e si metteva a piangere. "Che cos'hai cara? Stai male? O qualcuno ti ha offeso?". "No," diceva "è che non riesco proprio ad abituarci". Ci mancherebbe che dovesse anche andare a prendere l'acqua! Per le ragazzine hai ragione: due carogne, due vere carogne. Bugiarde che non ti dico! E come parlano male! La più grande ancora ancora, sta tutto il giorno coricata a leggere i suoi libri. Ma Nataska è proprio cattiva. Al mattino si alza e dice: "Nonna, lo so che ti sei pappata tutte le caramelle che mi aveva lasciato la zia. Ti spacco la faccia! ". Ecco com'è».

«Questa è roba da denuncia, da tribunale: ingiurie e minacce a una persona anziana» commentò l'autista.

«Ma chi sono queste ragazzine? Non sono figlie di sua figlia?».

«Sono sue nipoti, figlie di sua sorella, della mia figlia più grande, Sura. È morta nel '31, Sura, al tempo della carestia, è diventata tutta gonfia ed è morta» disse Mar'ja Ivanovna.

«Anche il mio vecchio, che gran lavoratore era, anche lui è morto nel '31; ormai gli si era gonfiato anche il cuore, e lui si preoccupava ancora per la campagna, non avevamo più legna, ma non mi lasciava disfare il recinto, per cuocere le focacce dovevo bruciare l'erba velenosa. Poi la piccola ci ha preso con lei; il sovchoz le dava ottocento grammi al giorno di pane e con quelli vivevamo in quattro, lei era ancora una ragazzina, com'era piccina... E guardala adesso!».

«Adesso state bene, no?» chiese l'autista accennando con la testa alle alte finestre della dacia.

«Certo, adesso stiamo bene,» rispose la vecchia però il dispiacere resta, non posso dimenticare. Sura, la mia figlia più grande, era come impazzita, non trovava pace, continuava a ripetere: "Mamma, c'è il fuoco da tutte le parti! Mamma, il grano brucia!" - non posso dimenticarlo. Era un uomo buono, gentile, mio marito. Povera me!» si riscosse Mar'ja Ivanovna. «Io me ne sto qui a parlare, e il tè chi glielo prepara? Deve prendere il treno. E prima deve passare ancora da casa, in città».

«Facciamo in tempo,» la rassicurò l'autista abbiamo la macchina».

(trad. italiana da: La cagnetta, A cura di Mario Alessandro Curletto, Adelphi 2013)

Los' (estratto)

Предстоящая смерть Дмитрия Петровича интересовала широкий круг людей — соседей по квартире, и управдома, и дочь, бессознательно связавшую с его смертью свой возможный переезд в Москву, и регистраторшу в районной поликлинике, и охотников, совершенно бескорыстно любопытствовавших о судьбе его уникальной охотничьей винтовки, и дворничиху, приходившую раз в две недели убирать места общего пользования. Его безнадежное существование интересовало лишь одного человека — Александру Андреевну. Он безошибочно, без тени сомнения чувствовал это, он ловил в ее лице смену радости и тревоги в зависимости от того, говорил ли он, что одышка стала меньше и днем не было за грудиных болей либо что у него был спазм и он принял нитроглицерин. Для нее он и безнадежно больным был нужен, да что нужен — совершенно необходим! Он чувствовал — ее ужасает мысль о его смерти, и в этом ее ужасе и была спасительная для него живая нить.

Был тихий субботний вечер, соседи в этот вечер обычно уезжали на дачу. Дмитрий Петрович радовался воскресенью. В этот день с утра и до вечера он видел жену, слышал ее голос, шорох ее домашних туфель. Он приоткрыл глаза и вздохнул — пора бы Александре Андреевне уже быть дома. Но он вспомнил, что она собиралась, идя со службы, зайти в аптеку и продуктовый магазин.

Он пытался задремать, во время дремоты не так ощущалось томительное движение — течение времени, а к концу дня он с силой, равной силе голода, испытывал потребность услышать знакомый звук ключа, потом услышать голос жены и увидеть в ее глазах то, что было для него важнее камфары, — живой интерес к его никому не нужной жизни.

— Ты знаешь, — сказал он несколько дней назад, — когда тыходишь ко мне, у меня возникает чувство, словно мама рядом, а я, крошечный, в люльке. — Я соскучилась по тебе, — говорила Александра Андреевна.

Он открыл глаза, в ночном мраке, просветленном уличными фонарями, на постели напротив спала жена, и Дмитрий Петрович припомнил, что Шура приехала с работы, напоила его чаем и он уснул. Несколько мгновений он лежал в полудремоте, с каким-то неясным и тревожным ощущением тишины. И вот он разобрался, понял — ощущение тишины шло со стороны постели, на которой лежала Александра Андреевна...

Страх ожег его. Он ошибся! Ему померещилось, будто жена, придя домой, поила его чаем, отсчитывала в рюмочку капли лекарства. Это было вчера, позавчера, всегда, а сегодня этого не было. Испарина выступила у него на груди и на ладонях... Дмитрий Петрович напрасно считал себя самым несчастным существом в мире — умирать, согретым любовью жены, казалось ему счастьем теперь. Вот Шуры нет рядом с ним.

Его пальцы медлили повернуть выключатель — темнота была надеждой, темнота защищала. Но он зажег свет, увидел застеленную утром постель Александры Андреевны. Ее нет, она умерла!

Что было в его последнем смятении: горе о погибшей — ее дыхание, ее мысль и каждый взгляд были драгоценней всего в мире... или жгучая сила его отчаяния была в том, что погиб человек, единственно любивший Дмитрия Петровича, такого беспомощного, одинокого...

Он попробовал сползти с постели, стучал сухонькими кулачками в стену, лежал мгновение в беспамятстве, снова стучал кулаком.

Но квартира была пуста, лишь в воскресенье вечером приедут с дачи соседи... Сестра из районной поликлиники придет в понедельник утром. Воскресенье вечером... послезавтра утром... Эти сроки

Vasilij Grossman – Anni Trenta e Holodomor

бессмысленно огромны. Где Шура? Разрыв сердца... сшиблена автомобилем, а может быть, Шура только что перестала дышать, и ее тело кладут на носилки, несут в анатомический театр.

Дмитрий Петрович уже не сомневался в смерти жены. В тот миг, когда он зажег свет и увидел ее пустую постель, он, продолжая существовать, стал, как ему казалось, безразличен для всех людей на земле.

Шурино преклонение перед народовольцами... Какая сила влекла ее к этим юношам и девушкам, к их короткой дороге, кончавшейся плахой... А его, своего больного мужа, Александра Андреевна любила не ради своего жалостливого сердца или ради своей совести и душевной чистоты, а вот так... Этого «так» — он не мог понять.

Мысли возникали из тьмы и порождали еще большую тьму.

Шура, Шура...

Хватило бы силы добраться до окна, он бы бросился вниз, на улицу. Но смерть не только влекла его, она и страшила. Все вокруг молчало — и сухой свет электричества, и скатерка на столе, и прекрасное задумчивое лицо Желябова. Сердце болело, пекло, пронзенное горячей, толстой иглой. Дмитрий Петрович искал дрожащими пальцами пульс на руке, бессильный перед страхом смерти, которую он же призывал.

И вдруг глаза Дмитрия Петровича встретились с чьими-то медленными, внимательными глазами. Многие годы видел он эту голову на стене и давно уж перестал замечать ее. Когда-то он привез голову лосихи от препараторщика зоологического музея, и, казалось, она заполнила все пространство. В утренней спешке, стоя в дверях уже в пальто и шляпе, он, прежде чем уйти, поглядывал на голову лосихи, а в трамвае вдруг вспоминал о ней... Когда приходили знакомые, он рассказывал о том, как убил зверя. Александра Андреевна совершенно не выносила этой жестокой истории.

Шли годы, голова зверя покрылась пылью, глаза Дмитрия Петровича все «безразличие» скользили по ней. И наконец эта мощная, длинная голова, с дышащей узкой пастью, окончательно отделилась от сумрачного осеннего леса, от запаха прели и мха, перешла в страну домашних вещей — и Дмитрий Петрович, вспоминая о ней лишь в дни квартирных уборок, говорил: «Надо голову лося посыпать ДДТ, сдается мне, в ней завелись клопы».

И вот в страшный час его глаза вновь встретились со стеклянными глазами лосихи.

В октябрьское, холодное утро он вышел на лесную опушку и увидел ее... Это было совсем близко от деревни, где ночевал Дмитрий Петрович, и он даже растерялся — так неожиданно произошла эта встреча, в месте, где, казалось, не могло быть зверя: ведь с этой опушки видны были дымки над избами.

Он видел лосиху совершенно ясно и рассматривал ее черно-коричневый нос с расширенными ноздрями, большие, привыкшие ломать ветки и отдиравать древесную кору широкие зубы под немного приподнятой, удлинненной верхней губой.

Лосиха тоже видела его: в кожаной куртке, в австрийских ботинках и зеленых обмотках, сильный, худой, с винтовкой в руках. Она стояла возле лежащего среди кустиков брусника серого теленка.

Дмитрий Петрович стал наводить винтовку, и была секунда — все вокруг исчезло — красная брусника, гранитное небо над головой — остались лишь два глаза, обращенных к нему. Они смотрели на него, ведь Дмитрий Петрович был единственным живым существом, свидетелем несчастья, постигшего лосиху в это утро...

Vasilij Grossman – Anni Trenta e Holodomor

И с ощущением силы, счастья, с не обманывающим охотника предчувствием прекрасного выстрела, медленно, плавно, чтобы не погнуть деликатно-паутинную линию прицела, он стал нажимать на курок.

Потом, подойдя к убитой лосихе, Дмитрий Петрович разобрался, в чем дело: лосенок покалечил переднюю ножку — она застряла в расщепленном ольховом стволе, — и телок, видимо, очень боялся остаться один; даже когда застреленная мать упала, теленок все уговаривал ее не бросать его, и она его не бросила...

Сейчас Дмитрий Петрович, присмирив, лежал подле лосихи, как тогдашний прирезанный в осеннее утро покалеченный теленок. Она внимательно смотрела сверху на человека с подогнутыми под одеялом высохшими ногами, с тонкой шеей, с лобастой лысой головой.

Стеклянные глаза лосихи подернулись синевой, туманной влагой, ему показалось, что в этих материнских глазах выступили слезы и от их углов наметились темные дорожки слипшейся шерсти, когда-то выдернутой пинцетом препаратора...

Он посмотрел на постель жены, на свои высохшие пальцы, потом на скорбное и непреклонное лицо Желябова, захрипел, затих.

А сверху на него все глядели склоненные добрые и жалостливые материнские глаза.

Sull'imminente morte di Dmitrij Petrovic vigilava un gruppo piuttosto numeroso di persone: i vicini di casa, l'amministratore del caseggiato, la figlia, che inconsciamente metteva in relazione la scomparsa del padre con un proprio possibile trasferimento a Mosca, l'addetta all'accettazione del poliambulatorio di quartiere, i cacciatori, incuriositi, senza la minima ombra di interesse personale, dal futuro destino del suo magnifico fucile da caccia, e la portinaia, che un paio di volte la settimana puliva gli spazi di uso comune. Alla sua vita priva di speranza si interessava una sola persona: Aleksandra Andreevna. Questo interesse lui lo percepiva distintamente, senza alcuna ombra di dubbio, coglieva sul viso della moglie l'alternarsi di gioia e angoscia in rapporto alle sue parole: se per esempio le diceva che l'affanno si era attenuato e per tutto il pomeriggio non aveva avvertito dolori retrosternali, o se, al contrario, le raccontava di avere preso la nitroglicerina in seguito a uno spasmo. Anche se era un malato inguaribile, Aleksandra Andreevna aveva bisogno di lui, anzi, non poteva fare a meno di lui! Dmitrij Petrovic percepiva il terrore della moglie al pensiero della sua morte, ed era questo terrore il filo che lo teneva ancora legato alla vita.

Era un sabato sera silenzioso; evidentemente i vicini, come spesso accadeva, erano già andati in dacia. Dmitrij Petrovic si rallegrava dell'arrivo della domenica. Per tutta la giornata, da mattina a sera, avrebbe visto la moglie, avrebbe sentito la sua voce, il fruscio delle sue pantofole. Aprì appena gli occhi e sospirò - Aleksandra Andreevna avrebbe già dovuto essere a casa. Ma poi ricordò che, uscita dal lavoro, sarebbe passata in farmacia e al negozio di alimentari.

Si sforzava di assopirsi, perché nel sopore il tempo non scorreva così lento, estenuante. Verso la fine della giornata Dmitrij Petrovic avvertiva, con la stessa intensità della fame, il bisogno di sentire il rumore familiare della chiave, poi la voce della moglie, e di leggere nei suoi occhi qualcosa che gli era ben più necessario della canfora: un vitale interesse per la sua esistenza ormai inutile a qualsiasi altro essere.

«Sai,» le aveva detto qualche giorno prima «quando vieni qui vicino a me, ho come la sensazione di avere accanto mia mamma, di essere piccolissimo, ancora nella culla». «Mi sei mancato» gli diceva Aleksandra Andreevna.

Dmitrij Petrovic aprì gli occhi; nell'oscurità notturna rischiarata appena dai lampioni della strada, sul letto di fronte, dormiva la moglie, e lui ricordò che Sura era tornata dal lavoro e gli aveva preparato il tè, poi doveva

Vasilij Grossman – Anni Trenta e Holodomor

essersi addormentato. Ancora per qualche attimo rimase nel dormiveglia, percependo un indefinito, angosciante silenzio. Ma ben presto capì - quel silenzio proveniva dal letto dov'era coricata Aleksandra Andreevna...

Avvampò di terrore. Si era sbagliato! Gli era parso che la moglie, appena tornata a casa, gli avesse preparato il tè e versato le gocce della medicina in un bicchierino. Era avvenuto il giorno precedente, e anche due giorni prima, avveniva sempre, ma non quel giorno. Un velo di sudore gli coprì il petto e le palme delle mani... Quanto aveva sbagliato a considerarsi l'essere più infelice della terra: in quel momento morire confortato dall'amore della moglie gli sembrava una fortuna. Ma Sura accanto a lui non c'era.

Le sue dita indugiavano sull'interruttore - nel buio restava la speranza, il buio proteggeva. Ma accese la luce, vide il letto rifatto da Aleksandra Andreevna al mattino. Lei non c'era, era morta!

Che cosa lo sconvolgeva maggiormente? Forse il dolore della perdita: il pensiero di lei, il suo respiro, il suo sguardo erano ciò che aveva di più caro... O forse l'intensità bruciante della sua disperazione derivava dal sentirsi completamente solo e indifeso, dopo la morte dell'unica persona che lo amava...

Provò a scendere dal letto, batté i pugni smagriti contro la parete, per un attimo rimase coricato, privo di sensi, poi tornò a battere il pugno contro il muro.

Ma l'appartamento era deserto, i vicini sarebbero tornati dalla dacia solo la domenica sera... L'infermiera del poliambulatorio di quartiere sarebbe venuta lunedì mattina. Domenica sera... dopodomani mattina... Un'eternità. Dov'era Sura? Un infarto? Era stata investita da un'automobile?... Forse era appena spirata, e in quel momento il suo corpo veniva deposto su una barella per essere trasportato all'istituto di medicina legale.

Dmitrij Petrovic non nutriva alcun dubbio sul fatto che la moglie fosse morta. Dal preciso istante in cui aveva acceso la luce e aveva visto il suo letto vuoto, egli, pur continuando a esistere, era diventato invisibile al resto dell'umanità. Quella era stata la sua percezione.

L'entusiasmo di Sura per i rivoluzionari di Narodnaja volja... Quale forza di attrazione esercitavano su di lei quei giovani e quelle ragazze, le loro brevi esistenze terminate sul patibolo... E lui, il marito infermo, Aleksandra Andreevna lo amava non in nome del proprio cuore compassionevole, della propria coscienza e purezza d'animo, ma lo amava e basta... Quell' e basta» Dmitrij Petrovic non riusciva a capirlo.

I pensieri affioravano dalle tenebre e generavano tenebre ancora più fitte. Sura, Sura...

Se avesse avuto abbastanza forza per arrivare alla finestra si sarebbe buttato di sotto, nella strada. Ma non era solamente tentato dalla morte, ne era anche terrorizzato. Intorno tutto taceva, la fredda luce elettrica, la tovaglia sul tavolo e lo splendido volto pensoso di Zeljabov. Un dolore bruciante gli attanagliava il cuore, come se un grosso ago arroventato lo trafiggesse. Con dita tremanti Dmitrij Petrovic si cercava il polso, impotente di fronte all'orrore della morte da lui stesso evocata.

All'improvviso gli occhi di Dmitrij Petrovic incontrarono uno sguardo quieto e attento. Da molti anni vedeva quella testa appesa alla parete, e da un pezzo ormai non vi faceva più caso. A suo tempo, quando l'aveva portata a casa dal laboratorio di imbalsamazione del museo di zoologia, era parso che quella testa d'alce femmina riempisse tutto lo spazio circostante. Nella fretta di ogni mattina, quando era già sulla soglia di casa con il cappotto abbottonato e il cappello in testa, prima di uscire accarezzava la testa dell'alce, e dopo, in tram, gli capitava spesso di ripensare all'animale... Quando avevano ospiti, Dmitrij Petrovic era solito raccontare di come aveva ucciso la sua preda. Aleksandra Andreevna non sopportava quella storia crudele. Gli anni erano passati, la testa dell'animale si era coperta di polvere, e lo sguardo di Dmitrij Petrovic vi scivolava sopra sempre più indifferente. Alla fine quella testa lunga, possente, dalla bocca stretta che ancora sembrava respirare, aveva perso ogni legame con l'oscuro bosco autunnale, con l'odore di umido e di

Vasilij Grossman – Anni Trenta e Holodomor

selvatico, ed era entrata a pieno titolo nel novero degli oggetti domestici. Dmitrij Petrovic ormai se ne ricordava solo nei giorni delle grandi pulizie: «Bisogna dare il ddt alla testa dell'alce, mi sa che si è riempita di cimici».

Ma ecco che in quell'ora terribile il suo sguardo incontrò di nuovo gli occhi vitrei della femmina d'alce. Alle prime luci di un freddo mattino d'ottobre Dmitrij Petrovic era arrivato al limitare di un bosco e l'aveva vista... Era ancora vicinissimo al villaggio dove aveva passato la notte, tanto da rimanere sbigottito - si trattava di un incontro del tutto inatteso, in un luogo dove pareva impossibile trovare un animale selvatico: ancora si scorgeva il fumo salire dai comignoli delle isbe.

Dmitrij Petrovic vedeva perfettamente la femmina d'alce, osservava il suo naso marrone-nerastro dalle narici dilatate, i larghi, grossi denti avvezzi a spezzare i rami e a strappare via la corteccia degli alberi, il labbro superiore oblungo e leggermente rialzato.

Anche la femmina d'alce lo vedeva: con la giacca di pelle, gli scarponi austriaci indossati con le fasce verdi, asciutto, energico, il fucile tra le mani. La femmina stava immobile accanto a un cucciolo grigio steso tra i cespugli di mirtillo rosso.

Dmitrij Petrovic aveva cominciato a prendere la mira e in attimo tutto intorno a lui era scomparso - i mirtilli rossi, il cielo di granito sopra la sua testa -, erano rimasti solo due occhi puntati su di lui. Gli occhi lo guardavano fisso, Dmitrij Petrovic era l'unico essere vivente testimone della terribile disgrazia che aveva colpito la femmina d'alce quella mattina...

Con una sensazione di forza, di felicità, con quel presentimento di un colpo infallibile che non inganna mai un cacciatore, lentamente, con dolcezza per non deviare la linea del mirino, sottile e delicata come una ragnatela, Dmitrij Petrovic aveva premuto il grilletto.

Dopo, quando si era avvicinato all'animale ucciso, aveva compreso: il piccolo dell'alce, con una delle zampe anteriori ferita, era rimasto imprigionato nella fenditura di un ontano caduto. Non poteva muoversi ed evidentemente era terrorizzato, non voleva restare solo; la madre si era accasciata, colpita a morte, e lui continuava a chiederle di non abbandonarlo. Lei non lo aveva abbandonato...

E ora Dmitrij Petrovic, placato, giaceva accanto alla femmina d'alce, come il cucciolo ferito che aveva sgozzato in quel lontano mattino autunnale.

Lei, dall'alto, osservava attenta quell'essere umano dalle gambe rinsecchite e contratte sotto la coperta, dal collo esile, la fronte larga e la testa calva. Gli occhi vitrei della femmina d'alce si velarono di un brumoso umore azzurrino, Dmitrij Petrovic ebbe l'impressione che in quegli occhi materni fossero apparse le lacrime, mentre agli angoli si delineavano due scie scure e appiccicose di pelo, quel pelo a suo tempo sollevato dalle pinzette dell'imbalsamatore...

Dmitrij Petrovic guardò il letto della moglie, le proprie dita smagrite, quindi il volto doloroso e inflessibile di Zeljabov, si schiarì la gola e si calmò.

Dall'alto continuavano a osservarlo due occhi buoni e compassionevoli, materni.

1938-1940

(trad. italiana da: La cagnetta, A cura di Mario Alessandro Curletto, Adelphi 2013)